

УДК 903

Ю.Е. Вострецов

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: vost@mail.primorye.ru*

“ПОВОРОТНЫЕ МОМЕНТЫ” В КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ*

Введение

Культурная эволюция человека – многолинейный и неравномерный процесс, в котором отмечаются периоды быстротечных изменений разного характера. Обычно их называют поворотными моментами. Этот термин больше описывает явления, чем их объясняет. Накопленные данные по древней истории населения Приморья позволяют выделить несколько периодов, когда происходила быстрая смена систем жизнеобеспечения, культурных традиций, населения, которые мы можем охарактеризовать как “поворотные моменты”. Эти изменения особенно ярко проявились в прибрежных районах, где сталкивались группы морских охотников-собираателей-рыболовов с земледельцами. Один из таких районов – залив Петра Великого и континентальные территории по его обрамлению. Так почему же возникают ситуации, когда культурная эволюция человека меняет свою траекторию и темпы? Мы попробуем дать объяснение некоторым из этих явлений в экологической парадигме.

Экологические и культурные изменения в Приморье в среднем голоцене

Рассматривая культурную эволюцию населения на территории Приморья в течение среднего и начала позднего голоцена, мы можем выделить четыре крупных

временных интервала, расцениваемых как “поворотные моменты”, когда происходили события, связанные с изменением культурных традиций и сложным взаимодействием древних культур, основанных на морских и земледельческих адаптациях. Следует подчеркнуть, что на археологическом материале процесс взаимодействия различных адаптаций можно проследить именно в периоды значительных, если не сказать катастрофических, природных изменений. Переходя к реконструкции, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, экологические изменения в первом и третьем интервалах не были так значительны, хотя и они отразились на траектории культурной эволюции древнего населения Приморья. Во-вторых, накопление археологических данных происходит неравномерно как в количественном, так и в качественном отношении, поэтому мы располагаем неравнозначной информацией по изучаемым временным интервалам. Все это отразилось на реконструкции событий, предлагаемой в данном исследовании, которое не только дает их интерпретацию, но и намечает пути дальнейшего поиска.

Первый интервал приходится на период 5 400–5 200 л.н., второй – 4 700–4 300, третий – 3 600–3 300, четвертый – 2 500–2 200 л.н. Все они связаны с похолоданиями климата и падениями уровня моря. Причем второй и четвертый интервалы были наиболее катастрофичны для древнего населения во многих районах мира [Вострецов, 2005].

Экологические изменения в прибрежной и континентальной зонах

Согласно палеогеографическим реконструкциям А.М. Короткого [1994; Первые рыболовы..., 1998,

* Автор выражает искреннюю благодарность коллегам А.М. Короткому, В.А. Ракову, Л.Н. Беседнову, А.В. Епифановой, С.А. Сергушевой за плодотворное сотрудничество.

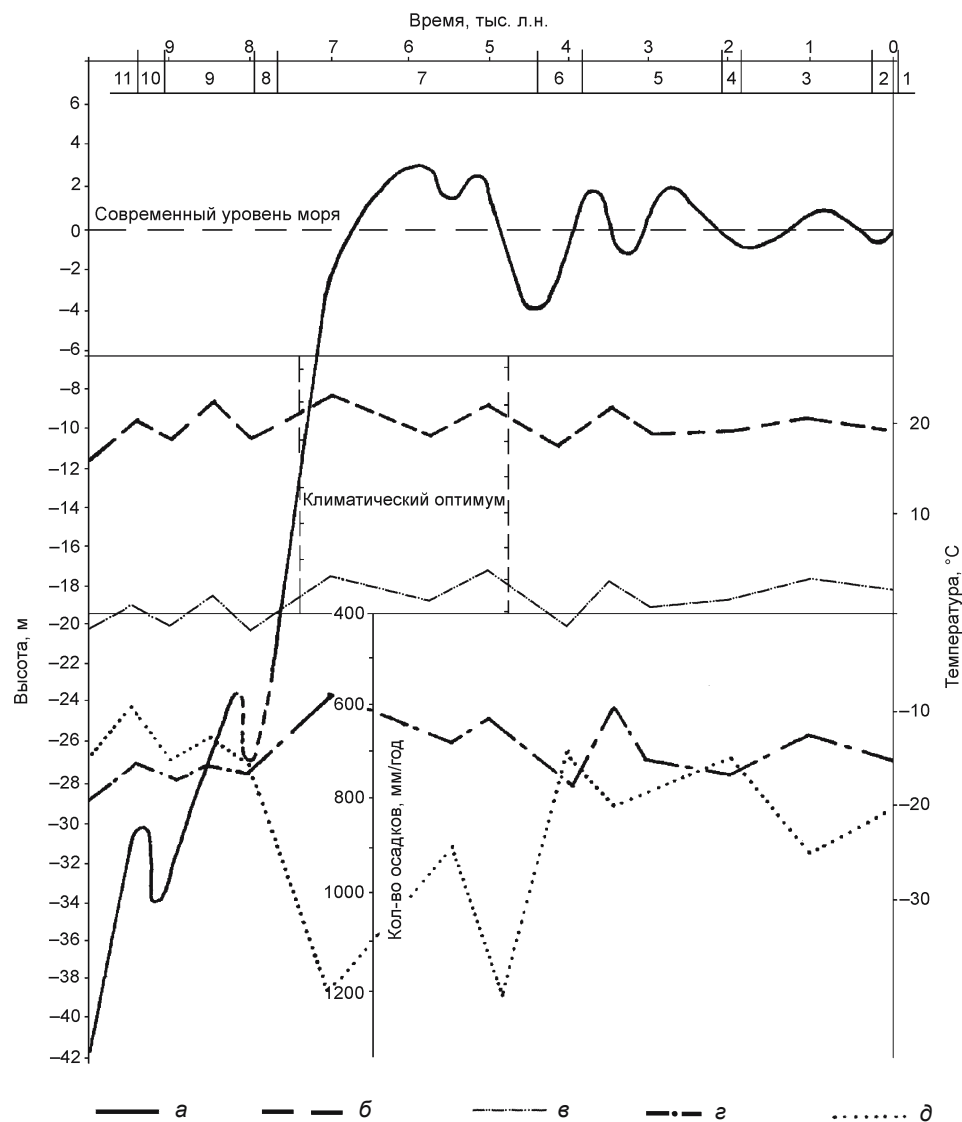

Рис. 1. Изменение климата, растительности и уровня Японского моря в голоцене Приморья (по: [Первые рыболовы..., 1998, гл. 1]).
 а – уровень моря; б – средняя температура августа; в – среднегодовая температура; г – средняя температура января; д – среднее кол-во осадков.

1–4 – сосново-дубовые леса с включениями березы и ольхи на отметке 2,4 тыс. л.н.; 5 – дубово-широколиственные леса с обильным включением березы; 6 – хвойно-широколиственные, дубово-березовые и березово-ольховые леса; 7 – полидоминантные широколиственные леса; 8 – березово-ильмовые леса с элементами холододобивой растительности; 9 – березово-широколиственные леса; 10 – березово-ильмовые леса в ассоциации с ольхой и кустарниковой березой; 11 – березово-ильмовые и березово-ольховые леса с элементами лесотундры.

гл. 1], мы можем отметить следующие экологические изменения, происходившие во втором и четвертом интервалах, как наиболее изученных (рис. 1). В прибрежной зоне после теплой атлантической фазы при переходе к суббореальной, 4 700–4 300 л.н., произошло похолодание климата и падение уровня моря на 6–7 м, т.е. до отметки на 3–4 м ниже современного. Регрессия послужила причиной силь-

ных ландшафтных изменений в прибрежной зоне. Исчезли многочисленные лагуны, небольшие заливы, и береговая линия существенно выровнялась. В интервале 2 500–2 200 л.н. также произошло короткое, но резкое и значительное похолодание климата и уровень моря упал до отметки на 1,5 м ниже современного, что привело к исчезновению лагун, образованию морских террас, иссушению болот

и образованию аллювиальных равнин в долинах рек. На прилегающих к этой зоне территориях в течение рассматриваемых временных интервалов происходило усиление континентальных климатических черт: зимы становились более холодными, лето – более сухим и холодным. Количество осадков уменьшалось. Засухи в первую половину лета становились сильнее. Происходил спад агроклиматических ресурсов.

Таким образом, во-первых, экологические изменения в течение второго интервала походили на те, что происходили в четвертом. Во втором интервале они были сильными или катастрофическими, но протекали медленно, в четвертом – не такими значительными, но происходили очень быстро, оставляя населению меньше времени для поиска и выбора адаптивных решений. Во-вторых, в течение обоих интервалов ландшафтные изменения разрушали привычную ресурсную базу морских охотников и рыболовов. Прибрежная зона становилась более привлекательной для земледельцев, поскольку повышенная влажность на побережье сглаживала пагубное влияние засух на культивирование растений. При этом неблагоприятные для человека природные изменения в береговой зоне происходили раньше и были ощутимее, чем на прилегающих к ней территориях. В обоих случаях формировались условия, приводившие к вытеснению избыточной части земледельцев из континентальных районов в прибрежные.

Первый и третий временные интервалы характеризуются аналогичными вышеописанным тенденциями экологических изменений, отличия заключаются в интенсивности этих изменений и различии исходных ситуаций.

Изменения культурных традиций и систем жизнеобеспечения населения Приморья

Примерно к 6 000–5 000 л.н., периоду пика атлантической трансгрессии, предшествовавшему первому интервалу, относятся ранние памятники бойсманской культуры как локально-хронологического варианта традиции гребенчатой керамики на морском побережье от зал. Ольги на востоке Приморья до севера Корейского п-ова [Первые рыболовы..., 1998, гл. 8]. На третьем этапе ее развития, приходящемся на максимум благоприятных условий потепления и предшествующем похолоданию первого интервала, происходила интенсификация культурных контактов бойсманцев, которые достигали среднего и нижнего Амура [Морева, 2005]. К этому же этапу относится наиболее ранний из известных примеров морской адаптации, ориентированной на использование лагунных и морских ресурсов, – Бойсмана-1 (рис. 2) [Первые рыболовы..., 1998, гл. 9; Вострецов, 2001].

Примерно в то же время в континентальных районах Восточной Маньчжурии существовали раннеземледельческие культуры, близкие к зайсановской [Вострецов и др., 2003].

Событие 1. В конце атлантического периода в голоцене в интервале 5 400–5 200 л.н. происходило небольшое похолодание климата и падение уровня моря (см. рис. 1). Эти события совпадают с концом третьего этапа эволюции бойсманской гончарной традиции, когда распространение данной культуры минимизировалось [Морева, 2005]. Те же экологические изменения, вероятно, инициировали продвижение ранних земледельцев в западные континентальные районы Приморья. Этот процесс, начавшийся в Северном Китае где-то в начале климатического оптимума голоцена (7 500 л.н.), был длительным [Алкин, 2000]. В Приморье наблюдается его конечный этап – появление и распространение групп населения с новой культурной традицией, которую мы назвали традицией веревочной керамики в рамках зайсановской культуры [Вострецов, 2005]. Мигранты принесли с собой новые технологии обработки камня и керамическую традицию, характер их расселения был иным, они также сформировали новую систему жизнеобеспечения, включавшую земледелие, т.е. новую адаптацию [Там же]. На поселении Кроуновка-1 ранние земледельцы с традицией веревочной керамики жили долго, более 500 лет (в стратиграфии памятника прослеживаются четыре этапа заселения). Они выращивали просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и периллу (*Perilla* sp.) (определения Е.А. Сергушевой). Кроме того, занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством мелких речных улиток, маньчжурских орехов и желудей (последние служили ресурсом углеводов в случае неурожая проса). Но место для поселения было выбрано исходя именно из потребностей земледелия. Земли в средних течениях рек, впадающих в р. Раздольную, по оценкам почвоведов Г.И. Иванова [Андреева и др., 1984], самые плодородные в Приморье и соседних районах Маньчжурии.

Сосуществование двух групп населения, с земледельческой и рыболовно-охотничье-собирательской адаптациями, обитавших каждая в своей зоне, продолжалось до конца теплого атлантического периода голоцена.

Событие 2. После 5 000 л.н., на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена, началось значительное похолодание климата (см. рис. 1). Пик экологических изменений приходится на интервал 4 700–4 300 л.н. Они привели к повсеместной нехватке доступных ресурсов у бойсманского населения, что требовало адаптации системы жизнеобеспечения и всего социального поведения к новым условиям. Эта задача оказалась бойсманцам не под силу, вероятно,

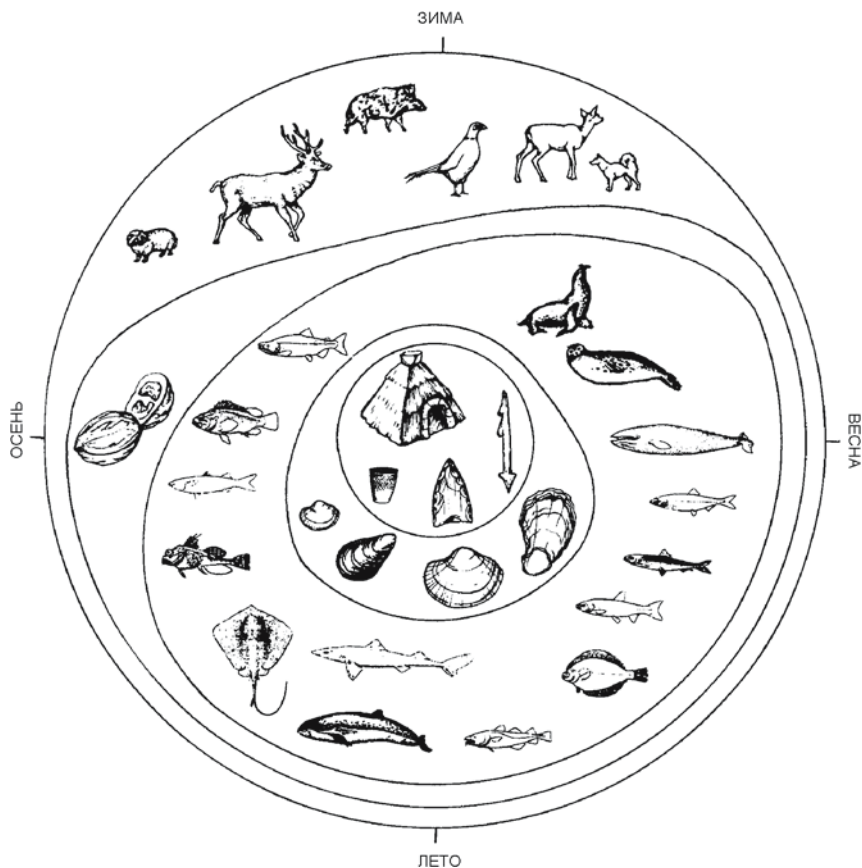

Рис. 2. Годичный цикл жизнеобеспечения поселения Бойсмана-1 ок. 5 500 л.н.
(по:[Первые рыболовы..., 1998, гл. 9]).

из-за быстротечности и значительности природных изменений. Так или иначе, мы наблюдаем затухание бойсманской культурной традиции после окончания атлантической фазы голоцена, ок. 5 000 л.н.

С похолоданием климата в начале переходного периода от атлантика к суббореалу население континентальных районов Приморья, включая долину р. Кроуновки (Кроуновка-1), начинает расселяться в разных направлениях. На побережье зал. Петра Великого ранние земледельцы с традицией верочной керамики оставили памятники Рыбак-1 [Гарковик, 2003], Бойсмана-2 [Морева и др., 2002], Зайсановка-7, Посьет-1; на южном берегу оз. Ханка – Лузанова сопка-2 [Попов и др., 2003]; на восточном побережье Приморья – Устиновка-8 [Крупянюк, Табарев, 2004].

В интервале 4 700–4 500 л.н., когда экологические изменения достигли своего пика, на песчаной косе, отделявшей палеолагуну в устье р. Гладкой от бух. Экспедиции, уже существовало поселение Зайсановка-7. Его обитатели сформировали новую систему жизнеобеспечения, основанную на эксплуатации морских ресурсов (рис. 3). Они ловили

рыбу в течение всего года (26 видов – определения А.В. Епифановой и Л.Н. Беседнова), собирали моллюсков, охотились на наземных и морских млекопитающих, а также перелетных птиц. Углеводная компонента диеты обеспечивалась собирательством желудей, маньчжурских орехов и лещины, которые запасались до следующего урожая в больших ямах. Кроме того, жители поселка собирали виноград, черемуху, бархат. На памятнике обнаружены многочисленные косвенные свидетельства земледелия – ручные плуги (карэ), мотыги, жатвенные ножи, терочки, аналогичные известным по материалам поселений земледельцев того времени в Маньчжурии и Кореи [Choe Chong Pil, 1990; Вострецов и др., 2002].

Таким образом, выбор места для поселения и реконструированный годичный хозяйственный цикл свидетельствуют о том, что обитатели неолитического поселка Зайсановка-7 создали ок. 4 500 л.н. на побережье систему жизнеобеспечения, основными стабилизирующими компонентами которой были прибрежное морское рыболовство, собирательство желудей и частично охота.

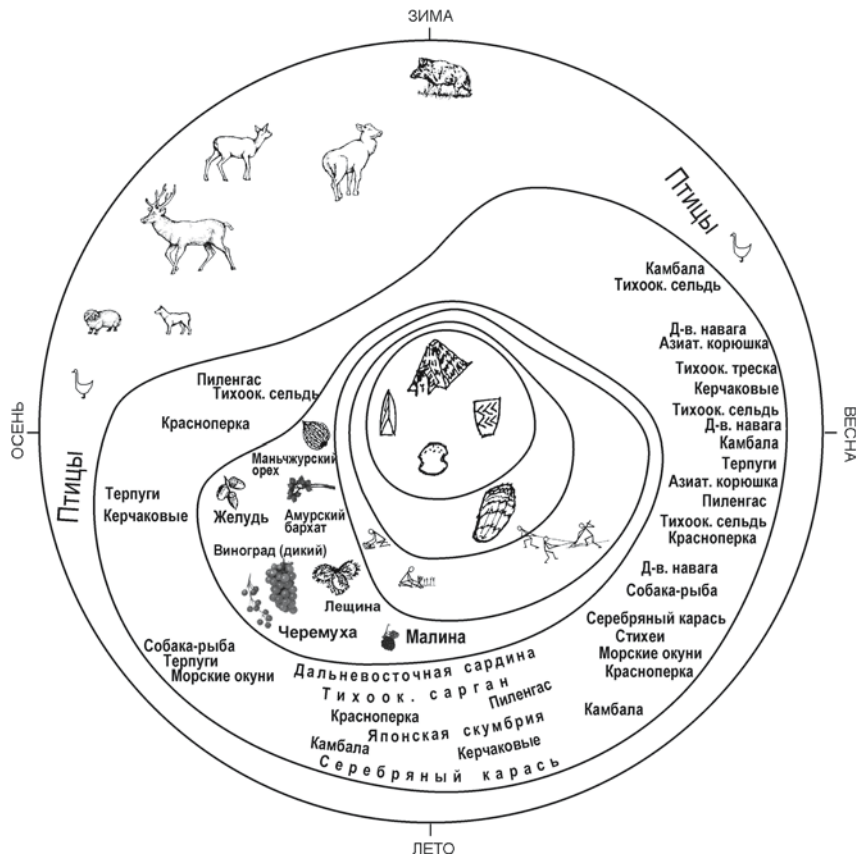

Рис. 3. Годичный цикл жизнеобеспечения поселения Зайсановка-7 ок. 4 500 л.н.

Впоследствии земледельцы, носители зайсановской культурной традиции в различных ее вариантах, расселились по территории всего Приморья [Вострецов, 2005]. Обращаясь к региональным данным, мы видим, что с рубежом атлантик–суббореал коррелирует, по самой распространенной в Японии хронологической шкале, переход от раннего дзёмона к позднему [Aikens, Higuchi, 1982; Rowley-Conwy, 1984]. На соседнем с Приморьем Корейском п-ове на данном рубеже фиксируется переход от раннего неолита к позднему в северной его части [Ким Ёнган, Сон Рянгу, 1991; Со Кук Те, 1986] и к среднему в южной [Им Хёдже, 1988]. При этом отмечаются значительные изменения в системах жизнеобеспечения [Чхве Джонпхиль, 2001]. В некоторых районах Северного Китая также обнаружены свидетельства драматических социальных изменений, происходивших после 4 600 л.н. [Ren Shinan, 2001]. В интервале от 5 000 до по меньшей мере 4 300 л.н. культивирование риса из континентальных районов Китая распространилось на юго-восточное побережье [Tialong Jiao, 2004].

Насколько значительными были природные изменения на рубеже атлантик–суббореал, можно судить

по адаптивным реакциям населения других районов мира. Так, на южном и северном побережьях Перу с этим временем связан переход к раннему земледелию [Башилов, 1999].

Событие 3. В суббореальный период, начало которого характеризуется потеплением климата, в континентальных районах Приморья земледельческая адаптация продолжала существовать у более поздних носителей зайсановской культуры, оставивших приханкайскую группу памятников: поселения Новоселище-4 (нижний слой), Кроуновка-1 (раскопки А.П. Окладникова), Реттиховка-геологическая, Мустанг-1, Боголюбовка-1, Анучино-14. Ухудшение агроклиматических условий в результате похолодания климата в интервале 3 600–3 300 л.н. обусловило миграцию части населения континентальных районов на побережье Южного и Юго-Восточного Приморья, о чем свидетельствует восточная группа приханкайских памятников, таких, как Евстафий-4, Сопка Большая [Яншина, 2001, 2003; Вострецов, 2005]. Кроме того, к этому периоду относится появление маргаритовской археологической культуры на побережье Восточного Приморья. Все известные даты маргаритовских памятников (Глазковка-2, Евстафий-Олег-1,

Преобразование-1, Заря-3, Монастырка-3) соотносятся с данным интервалом [Яншина, Клюев, 2005]. С этой культурой мы, вслед за ее первооткрывателями [Гарковик, 1967; Андреева, 1970], связываем переход к эпохе бронзы. Вполне вероятно, что в эпоху палеометалла сохранились в укромных местах сельскохозяйственные группы населения, оставившие приханкайские памятники, датируемые концом данного интервала и последующим временем.

В континентальном и прибрежном Перу с интервалом 3 400–3 200 л.н. [Массон, 1970] или несколько более поздним временем (ок. 3 000 л.н.) связывается распространение маиса и новой культурной традиции.

Итак, с тремя рассмотренными интервалами связаны появление различных групп населения и первая стадия распространения земледелия в Приморье [Вострецов, 2005], которая продолжалась примерно до наступления раннего железного века, т.е. до 2 500 л.н.

Событие 4. С интервалом 2 500–2 200 л.н. связана вторая стадия распространения земледелия в Приморье. Примерно с V в. до н.э. в континентальных районах Приморья, в зоне современной границы КНДР и Китая, существовала кроуновская (туанцзе) археологическая культура (летописные племена воцзи). Кроуновское население представляло собой сельские сообщества без заметной социальной стратификации. Они выращивали просо, ячмень и пшеницу [Янушевич и др., 1990; Вострецов, 1987; Vostretsov, 1999; Вострецов, 2005], используя грядковую систему земледелия, следы которой обнаружены на поселении Кроуновка-1 в 2003 г.

Начиная с VIII в. до н.э. в прибрежной зоне Южного Приморья, включая территорию современной пров. Сев. Хамгён (КНДР), обитали носители янковской археологической культуры. Их система жизнеобеспечения базировалась на широкой эксплуатации морских ресурсов. В то же время на небольшом удалении от побережья или на тех его участках, где влияние моря было не таким выраженным, определенную роль играло культивирование проса и ячменя. Численность и плотность янковского населения достигала максимума в прибрежной зоне [Андреева и др., 1986]. По сравнению с кроуновским, это население имело более сложную социальную организацию (различные размеры и структура жилищ).

В конце IV – начале III в. до н.э. резкое похолодание климата и падение уровня моря подорвали экономику носителей янковской культуры. С этого времени началось постепенное расселение избыточной части земледельцев-кроуновцев в прибрежные районы Южного и Юго-Восточного Приморья. Они ассимилировали часть янковского населения. С миграцией носителей кроуновской культуры связаны изменение их систем жизнеобеспечения и рассе-

ления, спад в материальной культуре и уменьшение плотности населения на освоенных землях. Это была цена, которую они заплатили за адаптацию к новым условиям [Vostretsov, 1999]. Примерно к рубежу эр кроуновцы заселили всю прибрежную зону за исключением побережья на территории современного Хасанского р-на, где морские ресурсы оказались более устойчивыми и разнообразными и янковское население продолжало существовать.

Наблюдается определенное совпадение природных изменений, исходных ситуаций и времени экспансии земледельцев на севере (кроуновская культура) и на юге (культура яёй) бассейна Японского моря [Akazawa, 1982; Vostretsov, 1999], результатом которой было распространение “продвинутых” систем земледелия, успешно конкурировавшего с высоко развитыми морскими экономиками. Именно с этого времени земледелие начало доминировать в экономике региона, что впоследствии составило основу экономических и социальных изменений, создавших базу для образования ранних государств.

Обсуждение и выводы

Рассмотрев четыре временных интервала, с которыми мы связываем “поворотные моменты” в культурной эволюции населения Приморья и соседних районов бассейна Японского моря, видим определенное сходство в экологических ситуациях, обусловленных похолоданием климата и падением уровня моря, с одной стороны, и в вызванных ими социокультурных событиях – с другой. Наиболее явно эти последствия наблюдаются во втором и четвертом интервалах и прослеживаются во многих регионах мира, что связано с более значительными экологическими изменениями планетарного характера [Вострецов, 2005]. Все “поворотные моменты” совпадают с появлением новых культурных традиций и адаптаций, а первый, второй и четвертый – еще и с экспансией земледельцев.

В распространении земледелия в Приморье выделяются два этапа. Начало каждого из них было связано с изменением экологической ситуации (ок. 5 300 и 2 300 л.н.). Похолодание климата и падение уровня моря приводили к деградации морских систем жизнеобеспечения и депопуляции прибрежных районов, что создавало условия для проникновения на побережье новых групп населения, иных культурных традиций и систем жизнеобеспечения. Эти группы, адаптированные к земледелию, неизбежно взаимодействовали с теми, кто занимался морским промыслом в приморских районах. Возникает вопрос: почему земледельческие адаптации в конце концов победили и начали доминировать в регионе

со второго этапа? Попытаемся предложить объяснительную модель взаимодействия морских и земледельческих адаптаций на рубежах атлантик–суббореал и суббореал–субатлантик голоцена, когда происходила смена культурных традиций.

Мы уже показали, что причиной культурных изменений во втором и четвертом “поворотных моментах” были миграционные процессы [Vostretsov, 2004]. Необходимо понять, почему происходили миграции, а не культурные трансформации? На наш взгляд, наиболее перспективно искать объяснения в области сравнения плотности континентального населения с земледельческой адаптацией и прибрежного с морской адаптацией, а также сложности их социальной организации. Мы знаем, что какое-то время эти группы сосуществовали в пределах своих ареалов.

Как известно из этнографических данных, плотность и численность населения прибрежных районов выше, чем родственных им континентальных жителей [Yesner, 1980]. Концентрация археологических памятников на побережье Приморья в несколько раз превышает таковую во внутренних районах. Кроме того, прибрежные обитатели с морской адаптацией часто отличаются и более сложной социальной структурой, и воинственностью, что связано с высокой плотностью населения и конкуренцией за ресурсы [Ibid].

Таким образом, в стабильной ситуации континентальные группы земледельцев вряд ли могли заместить путем простой территориальной оккупации прибрежное население с морской адаптацией, которое явно превосходило их по численности и сложности социальной организации. Для выживания гораздо выгоднее было не вступать в прямые конкурентные отношения и сосуществовать на отдельных территориях, что мы и наблюдаем в конце атлантического периода. Иная ситуация складывалась, когда в результате похолодания и регрессии уровня моря сужалась ресурсная база. Давление среды испытывали как континентальные, так и прибрежные жители, что заставляло их искать какие-то адаптивные решения, связанные с поиском недостающих или альтернативных ресурсов. Но и тогда континентальное население вряд ли было способно оккупировать прибрежные территории с их обитателями. Оккупация могла состояться только в том случае, если бы эти районы в какой-то степени обезлюдели.

Наиболее универсальная экологическая причина депопуляции – разрушение привычной ресурсной базы. Основным фактором ее разрушения в прибрежной зоне было падение уровня моря в результате похолодания. Известно, что эти экологические события в переходный период от атлантика к суббореалу (4 900–4 300 л.н.) и в начале субатлантика (2 200–2 100 л.н.) голоцена предшествовали культур-

ным изменениям на юге Приморья. Археологические данные (заселение тех же мест, разница в датах, стратиграфия) подтверждают, что континентальные группы переселились в прибрежные районы, когда те уже в основном обезлюдели.

Таким образом, по имеющимся данным можно определить некоторые универсальные характеристики модели проникновения земледелия в береговые зоны:

- земледелие распространяется на новые территории после и в результате каких-либо экологических стрессов, которые разрушают ресурсные базы и системы жизнеобеспечения и приводят к депопуляции;
- его продвижение на освободившиеся территории происходит быстро и имеет волнообразно-пульсирующий характер [Первые рыболовы..., 1998, гл. 8];
- появление земледелия связано с приходом нового населения с иной, более устойчивой культурной традицией жизнеобеспечения.

Все эти черты мы наблюдаем как в Приморье, так и в Японии во втором и четвертом интервалах.

Список литературы

- Алкин С.В.** Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // Общество и государство в Китае: Мат-лы 13-й науч. конф. – М.: Вост. лит., 2000. – С. 7–14.
- Андреева Ж.В.** Древнее Приморье (железный век). – М.: Наука, 1970. – 145 с.
- Андреева Ж.В., Вострецов Ю.Е., Иванов Г.И.** Хозяйственная адаптация населения кроуновской культуры на юге Приморья // История развития почв СССР в голоцене: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Пушкино, 1984. – С. 237–238.
- Андреева Ж.В., Жушиховская И.С., Кононенко Н.А.** Янковская культура. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
- Башилов В.А.** Неолитическая революция в Центральном Дальнем Востоке: Две модели палеоэкономического процесса. – М.: Наука, 1999. – 206 с.
- Вострецов Ю.Е.** Жилища и поселения железного века юга Дальнего Востока СССР (по материалам кроуновской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 20 с.
- Вострецов Ю.Е.** Природа и человек на юге Приморья в среднем голоцене // Вестн. ДВО РАН. – 2001. – № 4. – С. 92–111.
- Вострецов Ю.Е.** Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 159–186.
- Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Кумamoto М., Миямото К., Обата Х.** Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. “Из века в

век”, посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 86–93.

Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Епифанова А.В. Изменение систем жизнеобеспечения у населения устья р. Гладкой и залива Посыета в среднем голоцене // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 3–41.

Гарковик А.В. Новая группа памятников Восточного Приморья (III–II тыс. до н.э.) // Тр. ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. – 1967. – Т. 7. – С. 15–17.

Гарковик А.В. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак-1 на юго-западном побережье Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. “Из века в век”, посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 94–100.

Им Хёджэ. Гребенчатая керамика западного побережья Кореи // Хангук Когохакпо. – 1988. – № 21. – С. 1–18 (на кор. яз.).

Ким Ёнган, Сон Рянгу. Чосон кокохакджёнсо (Полная история Кореи). – Пхеньян: Куахаквеккусадажён джонханса, 1991. – Т. 1. – 276 с. (на кор. яз.).

Короткий А.М. Колебания уровня моря и ландшафты прибрежной зоны Японского моря (этапы развития и тенденции) // Вестн. ДВО РАН. – 1994. – № 3. – С. 107–123.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Древности Сихотэ-Алиня: Археология Кавалеровского района. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та. – 2004. – 76 с.

Массон В.М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопр. истории. – 1970. – № 6. – С. 73–89.

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 57–68.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого: Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – Из содерж.: Гл. 1: Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого (А.М. Короткий, Ю.Е. Вострецов). – С. 9–29; Гл. 8: Место бойсманской культуры в контексте развития неолита в северо-западной части бассейна Японского моря (Ю.Е. Вострецов, А.В. Загоруйко). – С. 354–370; Гл. 9: Реконструкция образа жизни, жизнеобеспечения и динамики заселения в б. Бойсмана в неолите (Ю.Е. Вострецов) – С. 371–389.

Попов А.Н., Морева О.Л., Крутых Е.Б., Батаршев С.В. Новые исследования памятника Лузанова сопка-2 в юго-западном Приморье в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня

рождения академика А.П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 208–213.

Со Кук Те. Чосонвы синсоксидэ. (Неолит Кореи). – Пхеньян: Сахэкуахакчуханса, 1986. – 156 с. (на кор. яз.).

Чхве Джонпхиль. Новый взгляд на неолит Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 39–50.

Янушевич З.В., Вострецов Ю.Е., Макарова С.В. Палеоботанические находки в Приморье. – Владивосток: ДВО РАН, 1990. – 36 с.

Яншина О.В. Финальный неолит – бронзовый век Приморья: Систематизация археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2001. – 18 с.

Яншина О.В. К проблеме однородности зайсановской археологической культуры Приморья // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 109–121.

Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: Критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 187–233.

Aikens C.M., Higuchi T. Prehistory of Japan. – L.: Academic Press, 1982. – 354 p.

Akazava T. Cultural change in prehistoric Japan: the receptivity process of rice culture in the Japanese archipelago // Recent Advance in World Archaeology. – L.: Academic Press, 1982. – Vol. 1. – P. 151–211.

Choe Chong Pil. Origins of Agriculture in Korea // Korea Journal. – 1990. – Vol. 30, N 11. – P. 4–14.

Ren Shinan. The Emergence and Development of Neolithic Settlement in Ancient China // Chinese Archaeology. – 2001. – Vol. 1. – P. 7–10.

Rowley-Conwy P. Postglacial foraging and early farming economics in Japan and Korea: a west European perspective // World Archaeology. – 1984. – Vol. 16. – N 1: Coastal archaeology. – P. 28–42.

Tialong Jiao. Maritime Adaptation and Agriculture in the Neolithic of Coastal Southeast China: Implications for Proto-Austronesian Expansions // Third Intern. Congr. Society for East Asian Archaeology (SEAA): Abstracts. – Daejeon: Chunham National University, 2004. – P. 26.

Vostretsov Y.E. Interaction of Maritime and Agricultural adaptation in the Japan sea Basin // The Prehistory of Food, Appetites for Change / Eds. J. Hather and C. Gosden. – L.: Routledge, 1999. – P. 322–332. – (One World Archaeology; Vol. 32).

Vostretsov Y.E. Environment Changes and Migrations: Case Study // East Asia and Japan: Interaction and transformations: Bulletin of Japan Society for the Promotion of Science 21-st Century COE Program (Humanities) Kyushu Univ. – 2004. – Vol. 2. – P. 51–61.

Yesner D.R. Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory // Current Anthropology. – 1980. – Vol. 21, N 6. – P. 727–750.

Материал поступил в редколлегию 07.02.06 г.